

Он:

Меня не поймают. А даже если и поймают, то никто ничего не докажет. Всё равно я снова и снова буду делать то, чего требует моя природа зверя. Всё равно я буду силой брать самок, считающих, что древние времена прошли и сейчас они могут управлять любым мужиком. Потому что даже если я напьюсь и обколюсь какой-нибудь дрянью, даже если я не смогу оторвать головы от пола, даже тогда во мне не умрёт желание рвать женскую плоть. Желание слышать вопли жертвы.

В первый раз всё случилось очень просто. Я шёл по ночному парку. Была осень, там, или начало зимы — не помню. Помню, как текла кровь из разбитого носа, и болели рёбра. Это ж надо — встетить тех трёх уродов, и именно в том переулке: Твари! Вам, что, города мало? А может, они меня специально искали? Что уж теперь: И ведь даже ударить никого из них не успел — налетели сзади, суки, вкатили в дорожную грязь. Вот, иду я, значит, харкаю по сторонам кровавой слюной, и во тебе — подарок судьбы! Идут, двое, в обнимочку, значит: Любовь — морковь, звёздочки — садочки, бля. А девка-то ничё, не под стать кавалеру — заморышу: Платьице так фигурку облегает, глазки в темноте поблёскивают, каблочки по асфальту цокают. И этот: Рядом: Сопля зелёная: Худой, бля, очкастый, головой со страху вертит, чего-то своим голоском гундящим долдонит. Чего вы бабы в таких находите? Глянь, она ещё и за ручку его держит: Сука: Ну, счас я вам устрою любовь парковую, вы у меня эту ночку надолго запомните. Выхожу из тени. Встаю прямо на пути — ну, посмотрим, что вы сделаете. О! Ты глянь, как у него голос-то сразу сел. Ну, договаривай чё начал, про чё вы там базарили — про любовь али про сельское хозяйство? Чё, не нравится тебе моя рожа окровавленная? Воң, и баба твоя как испугалась, сжала локоть, аж костяшки побелели. Остановились, смотрят. «Что-то случилось?» — слышу. Это у тощего уroda голос прорезался. «Нате» — протягивает: Чего? Это он мне носовой платок протягивает. Это ты мне, что ли, свою парашу сопливую предлагаешь, урод? Ага, ну, типа и бить его теперь не за что, и бабе своей смелость показал. Я те ща покажу смелость. Девка стоит, губы покусывает: и вдруг взвизгивает и отскакивает в сторону — хляк как подкошенный падает на асфальт. Белый платок медленно так, как в мультике, опускается на землю рядом с ним. «Сам утрись, чмо! Тебе нужнее:». Поворачиваюсь к сучке — стоит широко раскрыв глаза и не может двинуться. Ну ничё, щас я тебя подвигаю! Пока она в трансе, я даже успеваю немного её рассмотреть. Полные губы, сиськи сами в руку просятся, а задница: Таковую задницу раз потискаешь — всю жизнь вспоминать будешь. И главное, от всего этого сокровища меня отделяют каких-нибудь три шага. Уже два — шагнул к ней. Ага, прыщавое чмо на асфальте шевельнулось — значит не убил. Тут и сука выходит из транса, и медленно так начинает отходить назад. Медленно так: И в глаза смотрит. Чего смотришь? Чего увидела то? Ты у меня сегодня ещё и не такое увидишь. С ним-то поди только за ручки и держались? Ты: что? Не: не надо:». А как же: Не надо: Вот прям щас повернусь и уйду. Побежала. Поняла наконец, что от твоего придурка защиты не дождёшься. Даю отбежать шагов на десять. Беги, беги: Тем более, что бежит она не к выходу из парка, а в самую гущу его зарослей. Потом бросаюсь следом. Интересно, почему это ты до сих пор молчишь? Только какое-то хныканье? Мама — мамочка. Ну, кого ещё припомнишь?

Она:

Я не хочу жить. Почему именно я? Почему это должно было произойти со мной? Сажу в ванне. Струйки крови пропадают в сливе. Говорят, это лучше делать в ванне, в горячей ванне, а не под душем — но мне всё равно: Боже, мама, почему, почему, почему!?! Почему он меня не убил прямо там? Почему оставил лежать со всей этой грязью внутри, бросил задыхаться от жгучей боли внизу живота? Рука онемела: Я побежала, я побежала от него. В институте говорили, что я очень спортивная. Но я никогда не бегала ТАК — задыхаясь от ужаса и ничего не видя перед собой. Он догнал меня. Догнал и повалил. Заломил руку за спину. Другая его рука тут же залезла под платье и рванула трусики. Треск ткани и его маты — кажется он приказывал мне молчать. Потом он перевернул меня на спину. Я закричала и попыталась вырваться, но получила удар кулаком. На несколько секунд стало совершенно темно. Когда я открыла глаза, мои груди были в его руках. Разорванное до пояса платье и разрезанный чем-то лифчик. Платье: Его подарила мне мама, когда я поступила в институт. Почему-то в тот момент я подумала о платье: Больно. Как же мне больно. Его пальцы выкручивают соски, впиваются в мою грудь, опускаются ниже: Не могу сжать ноги — его колени разводят их всё шире и шире. Одной рукой он что-то делает там, внизу, между нами, в то время как другая держит меня за горло. Не могу ничего сказать, только плачу. Пытаюсь сказать «Не надо. Пожалуйста, не надо». Ведь ещё можно уйти. Перестань, уйди, я никому не скажу, только перестань: Нет! Ведь я знаю, что он делает там внизу, между нами, знаю, почему он так зло матерится, знаю. Ведь сейчас, сейчас он меня изнасилуёт! Как это странно, видеть как он достаёт свой: свой: и понимать, что вот именно меня сейчас изнасилуют: Нет! Нет! НЕТ!... Все силы на то, чтобы помешать, не пустить, задержать. Но он медленно раздвигает всё внутри меня, медленно: Медленно входит. И смотрит в глаза. Провал, дальше ничего не помню. Последняя мысль была такая: «только бы очнуться, когда всё кончится». Белый кафель ванной. Странно. Только что ведь я смотрела на капли крови, а теперь смотрю вверх. Струйки из душа пересекают горизонт наискосок. Вижу краешек лампы на потолке. Почему я не могу пошевелиться? И кто включил такую холодную воду? Почему вода вдруг такая холодная? Почему? Почему:

Оно:

Позавчера была суббота. Вчера воскресенье. Сегодня хоронили Женю. Заставлял себя пойти на похороны и не смог. Я люблю её. Понимаю, что должен теперь говорить «любил», но не могу. В тот вечер, в ту пятницу я провожал её со дня рождения. Я всегда старался быть рядом с ней, ловить её взгляды, радоваться её улыбке, но только в этот вечер я наконец с ней заговорил. Мы танцевали. Я обнимал её за талию и был счастлив. Какая у неё была тёплая, и какая-то «гибкая», что ли, спина: Потом я предложил её проводить. Ведь, на самом-то деле, у неё был парень, но они в тот день поссорились. Пусть, подумал я, мне хватит и одного вечера рядом с ней. Этот вечер был только мой. Когда мы шли по улице, она взяла меня за локоть. Перед парком мы остановились, и она спросила: «Как пойдём?». Можно было через дворы, но это слишком коротко, и я повёл её через парк. Тем более, что я был готов ради неё сделать что угодно, и я защитил бы её: Не знаю, что произошло. Из темноты навстречу нам вдруг вышел мужик с разбитым лицом. Он был старше меня года на три, и намного тяжелее. Я подумал, что ему нужна помощь. Женя потянула меня в сторону, но я достал из кармана носовой платок и протянул ему. Что произошло потом, я не могу вспомнить. Мне показалось, что он ударил меня ножом. Вдруг резанула боль и я увидел синюю вспышку. В следующий

момент я понял, что не могу пошевелиться, и падаю на асфальт. И погрузился в темноту. Когда я очнулся, кричала Женя. Повернув голову, я увидел, как мужик разрывает её платье, прижав Женино тело к земле. Я оцупал себя и поднёс руку к глазам. Крови не было. Всё-таки он ударил меня чем-то тяжёлым. Я поднялся и побежал. Я знал, что в паре сотен метров есть отделение милиции, и думал, что успею добежать и позвать на помощь. Когда я ворвался в отделение, там был один дежурный. Он вызвал по рации машину. Через десять минут подъехал УАЗик, и я побежал показывать дорогу. Женя лежала на спине. Лицо её было разбито. Нос и губы — сплошное месиво. Платье на груди было разорвано. Ноги согнуты в коленях. Она не отвечала. Она лежала одна. Рядом никого не было. Два мента прыгнули в машину и поехали, наверное, искать его по улицам. Один остался со мной. Через двадцать минут подъехала скорая. Сегодня я хотел умереть. Взял у отца из ящика с инструментами крепкий шнур, привязал его к крюку люстры и встал на табуретку. Не смог. Почему, Женя???